

Историки переписывают друг друга. Таким способом они избавляют себя от лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальным. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение.

Анатоль Франс. Остров пингвинов

I wish hi would explain His Explanation

J. G. L. Byron¹.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ТАЙНА «ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ»

Одной из примечательных черт отечественной истории является глубокая пропасть между Древней и Новой Россией, между древнерусской и современной культурой, между состоянием всех сторон жизни страны до и после петровского царствования. Особенно отчетливо сие явление выражено в представлениях о развитии исторической книжности: являясь предметом историко-филологического исследования, историография (или историческая литература) испытывает влияние как достижений, так и заблуждений этих системообразующих (но искусственно разделенных) дисциплин.

¹ Классический перевод Т. Гнедич гротескно подчеркивает иронию этой строки посвящения к «Дон-Жуану»:

«Он многое берется объяснять,
Да жаль, что объяснений не понять».

Точнее выглядит комментарий Х. Л. Борхеса («Аватары черепахи»), видящего здесь проблему определения понятий, составляющих определения, которая восходит к примерам бесконечной регрессии Секста Эмпирика, Фомы Аквинского, Зенона Элейского и др.

Историки, по-разному оценивая результаты петровских реформ, достаточно единодушно видят до них темную, непросвещенную страну, отсталую в экономическом и военном отношении, государство патриархального застоя в управлении и всей организации. Филологи попросту считают литературу допетровского времени древнерусской, а послепетровскую — новой, хотя отлично знают, что Новое время исчисляется в мире отнюдь не с XVIII века.

Истоки этого замечательного парадокса кроются в общеисторической аксиоме, определявшей до недавнего времени направленность гуманитарных исследований по русской истории. Суть ее в том, что Русь, благодаря татарскому нашествию, превратностям раздробленности, издержкам централизации, Смуте и т. п. отстала в своем развитии от стран Западной Европы и в результате проведенной «сверху» Петром I «европеизации» после веков замкнутости (еще одна константа) приобщилась сразу к новейшим достижениям культуры, техники и т. д.

Теория «европеизации» с ее «модернизацией», «догоняющим развитием» и прочим хитрыми понятиями достаточно разработана как для колониальных стран, так и для государств Восточной Европы. Однако в случае с Россией речь идет именно об аксиоме, предоставляющей изучать следствия, не требуя доказательств наличия самого процесса.

Деление истории и литературы на древнерусскую и новую по рубежу XVII и XVIII вв., по преобразованиям «Петра Великого» явилось следствием отнюдь не новомодных идей, но политической потребности, восчувствованной еще «Отцом Отечества» (а впоследствии, не менее сильно — «Отцом народов» со товарищи). Питаемая душевным стремлением интеллигенции к службе, официозная пропаганда силилась представить регулярное государство определяющим фактором прогресса страны. В дальнейшем сама специализация исследователей на

«древней» и «новой» истории и литературе способствовала углублению искомой пропасти.

Правда, во всех отраслях историко-филологических знаний принято оговариваться, что де крутые перемены стали необходимы в результате объективного развития страны, что Петр как новатор имел неких предшественников, а ростки его реформ пробивались местами и раньше. Но обязательные рассуждения о подготовленности России к коренным преобразованиям выглядят бледно и неубедительно. Это и понятно — они призваны лишь укрепить легенду ссылками на закономерность обновления страны харизматическим лидером, о насильственной «европеизации» Руси, без коей немыслима дальнейшая история великой державы и современная культура.

Благоразумно не затрагивать коллег-историков, продолжающих пользоваться миф о преобразовании отсталой Московской Руси «Петром Великим». В филологии же господствующая позиция превосходно выражена классическим учебником Н. К. Гудзия, доводящим «древнюю русскую литературу до начала XVIII в., т. е. до того культурного перелома в судьбах России, который связан с петровскими реформами». При этом многим поколениям филологов внушалось, что «лишь литература XVIII в. служит непосредственным (выделено Гудзием) органическим преддверием к русской литературе XIX в.»²

«Разрыв времен» столь значителен, что даже Д. С. Лихачев, назвавший конец XVII — первую четверть XVIII в. «мостом между древним и новым периодами русской литературы» и выделивший XVII в. как эпоху перехода от истории памятников к истории стилей, к преобладанию индивидуального начала над «соборным», как время зарождения литературного вымысла в исторической книге и литературных направлений

² Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 7-е, испр. и доп. М. 1966. С. 10.

в современном значении этого термина, — даже Лихачев, повторяю, обладающий отличной от коллег степенью свободы — признал, что в реальности видит в литературе петровского времени застой и упадок³.

Тогда откуда же взялась новая литература и, в частности, современная историческая книга? — Получается, что она возникла после Петра, на новой культурной основе, почти что не связанной с книжностью древнерусской. При сем исторической литературе вдвойне не повезло. До начала XVIII в. она рассматривается в курсе литературы, после этого мистического рубежа — произвольно относится к науке и выпадает из поля зрения филологов⁴.

Историки реализовали упомянутую аксиому в разделении развития исторической мысли на два периода: «накопления исторических знаний» до Петра — и превращения их в науку вследствие его реформ⁵. Источниковеды же констатировали, что сами «условия возникновения и развития научного источниковедения» появились «с начала XVIII в.» вследствие развития контактов с Западом и насаждения науки, порвавшей с теологией⁶.

Вообще-то развитие рационалистической критики на излюбленном учеными Западе (как и на Руси) шло об руку с теологией и даже в ее рамках (Общество болландистов и т. п.). Но

³ Лихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М. 1969; его же. Человек в литературе Древней Руси. М. 1970; его же. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп. Л. 1971; его же. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л. 1973; и др.

⁴ Например, в Хрестоматии «Русская литература XVIII века. 1700–1775». (М. 1979) ни одно историческое произведение не только не цитируется, но даже не упоминается.

⁵ Ср.: Рубинштейн А. Н. Русская историография. М. 1941; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М. 1957; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л. 1961. Ч. 1; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Харьков. 1965; и др.

⁶ Николаева А. Т. Русское источниковедение XVIII века. Рукопись докт. дисс. М. 1968; Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на-Дону. 1989.

это мелочь на фоне изумительных результатов, достигаемых строгим соблюдением обозначенной Анатодем Франсом доброй старой международной традиции, кою интерпретировал для родных осин Козьма Прутков: «Если на клетке слона увидишь надпись “буйвол” — не верь глазам своим».

Так, историограф А. М. Сахаров основал свои рассуждения о произошедшем в петровское время «решительном разрыве с традицией русской исторической мысли»⁷ на предположении о не знакомстве читателя с учебником под редакцией его коллег В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева, где «новые» (по Сахарову) явления описаны на примере сочинений XVI–XVII вв.⁸ Филолог Г. Н. Моисеева представила «древнюю» историческую литературу лишь «источником сведений» для новых авторских сочинений, которыми оказались... хорошо известный в литературе (увы, невостребованной Моисеевой) летописный свод Ф. Поликарпова, «Келейный летописец» Димитрия Ростовского, краткое «Родословие» Феофана Прокоповича и «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова, — сочинения, по форме и содержанию далеко не новаторские даже для XVII в.⁹

В области летописания исследователи не имели оправдания Д. С. Лихачева, в 1947 г. не видевшего исторического перехода летописания в книжность Нового времени¹⁰. Ученые были тогда сосредоточены на древних летописях: к 1959 г. из более чем 2200 научных работ по летописанию лишь несколько десятков были посвящены памятникам XVII в.¹¹ До последних десятилетий

⁷ Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М. 1978. С. 48 и др.

⁸ Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Изд. 2-е. М. 1971. С. 42–46, 49–58.

⁹ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли XVIII века. Л. 1980.

¹⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л. 1947.

¹¹ См.: Дмитриева Л. П. Историография русского летописания. М.—Л. 1962.

выглядело обоснованным мнение, что собственно летописания в «бунташном столетии» уже не было. Как образно выразил эту мысль Р. Г. Скрынников в 1966 г.: «следы русского летописания теряются в опричной Александровой слободе»¹².

Как часто случается, сей афоризм прозвучал запоздало, поскольку два выдающихся историка уже положили начало перевороту в представлениях о летописании вообще и XVII в. в частности. В 1940–60-х гг. труды М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова разительно изменили картину истории летописания. Там, где ранее видели несколько произведений и десятки списков — оказались сотни памятников, многие сотни редакций, изводов и компиляций, тысячи списков и рукописей, настоятельно требующих атрибуции¹³.

Оказалось, что без обращения к рукописям XVII и даже XVIII в. невозможно изучать более раннюю летописную традицию, что новонайденные летописи, летописцы и даже краткие летописчики содержат интереснейшие, порой уникальные сведения по разным аспектам истории IX–XVII вв. За считанные десятилетия трудами М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. Н. Азбелева, В. И. Буганова, В. И. Корецкого, Б. М. Клосса, О. А. Яковлевой, К. Н. Сербиной, Н. А. Дворецкой, Н. А. Казаковой, С. О. Шмидта, А. В. Лаврентьева, И. А. Жаркова, Б. Н. Морозова и др. ученых был исследован и частично опубликован обширный комплекс памятников общерусского патриаршего и монастырского, дворянского, сословного краткого, городского и провинциального летописания предпетровского времени.

¹² Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л. 1966. С. 398.

¹³ Тихомиров М. Н. Летописные памятники б. Синодального (патриаршего) собрания // ИЗ. 1942. Т. 13. С. 256–283; его же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М. 1962; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // ПИ. 1955. Т. IV. С. 243–285; его же. Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. Т. VI. С. 234–274; его же. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М. 1969; и мн. др.

Летописание продолжало жить и развиваться в тесном взаимодействии с новыми редакциями Хронографа Русского, «Казанской историей», Степенной книгой (и принципиально новой Латухинской Степенной Тихона Макарьевского), современниками и историческими повестями Смутного времени, «книгами» о взятии Азова (казаками и Петром I), «летописными сказаниями» (Петра Золотарева и др. авторов). Вместе с новейшими формами сочинений типа «Синописиса», «Корня российских государей», «Василиологиона» и «Хрисмологиона», с переводными памятниками классики (например, «Эпитомы Помпея Трога» М. Ю. Юстина, «Книги о случаях военных» С. Ю. Фронтини) и более современных авторов (М. Бельского, А. Гваньини, М. Стрыйковского, П. Пясецкого и др.) бытовали свежайшие, злободневные сочинения иноземцев, в том числе о событиях в России, и вернувшиеся домой (не без помощи канцлера В. В. Голицына) гражданские сочинения А. М. Курбского¹⁴.

¹⁴ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М. 1866–1869. Вып. 1–2; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб. 1903; Васенко П. Г. Заметки к Латухинской Степенной книге // Сборник ОРЯС. СПб. 1903. Т. 72. С. 189; Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. М. 1906; его же. Сказочные повести об Азове. Варшава. 1906; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. Изд. 2-е. М. 1913; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М. 1963. Сб. VIII; Муравьева Л. Л. О списках Латухинской Степенной книги // АЕ за 1964 г. М. 1965. С. 85–91; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М. 1966; Рыков Ю. Д. Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского // Материалы научной конференции МГИАИ. М. 1970. С. 129–137; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М. 1973; XVII — первая четверть XVIII в. М. 1976; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л. 1975; Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России (вторая половина XVII в.). М. 1982; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М. 1988; и мн. др.

Историко-полемическая, «партийная» библиотека раскола, в коей выдающимся сочинениям староверов противостояли не менее яркие официозы (вроде Окружных посланий Игнатия Римского-Корсакова), в своей кардинально модернизированной житийную форму автобиографической части сливалась с продолжающимися летописцами и повременными записями, памятниками нарождающегося мемуарного и дневникового жанра, создававшимися среди иноков, дворян, подьячих и даже сельских дьячков¹⁵.

В свою очередь острая полемика «грекофилов» с «латинствующими» (то есть «мудроборцев» с просветителями) породила настоящие историко-филологические исследования в рамках богословия (как и на Западе): «Книгу о манне» и «Известие истинное» Сильвестра Медведева, «Акос» Лихудов и т. п., не говоря уже о трудах украинских ученых (Лазаря Барановича, Иннокентия Монастырского и иже с ними), не брезговавших и чисто летописным жанром (Леонтий Боболинский, Димитрий Ростовский и др.). К сему следует приплюсовать энергичное развитие историко-доносительной формы полемических сочинений («Остен», «Щит веры» и подобных), особо приглянувшейся служилой интеллигенции¹⁶.

Как выдумщики авторы «бунташного столетия» на макро-уровне достигли зияющих вершин в области историософии (так что относительно древности и величия славянского рода, патриарха племен земных, задачи «спасения» и «просвещения» всей Вселенной нашим идейно продвинутым государством за последние столетия ничего существенно нового не сказано). Де-

¹⁵ Богданов А. П. Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М. 1989. С. 197–220; и др.

¹⁶ Богданов А. П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М. 1990. Гл. 4. С. 231–382; и др.

тали же сочинялись столь вдохновенно, что современным ученым крайне трудно их опровергать и отвергать (в особенности — не учитывая творческий характер историографического труда наших предков). Зато прямой корень художественной исторической прозы и поэзии — налицо.

Невооруженным глазом можно уже по составу памятников в рукописной книжности (не изучая даже их довольно глубокое взаимодействие) — узреть, что в России последней четверти XVII в. жила, развивалась и разливалась по всей стране богатая и разнообразная *историческая литература*. Она с лихвой заполняет «пропасть» между «древним и новым периодами в развитии русской литературы» по истории и делает очевидным, что именно всплеск творческой активности XVII в. (а не убогие пути петровского времени) послужил основой развития отечественной историографии Куракиным и Манкиевым, Татищевым и Миллером, Болтиным и Щербатовым — до Карамзина и Соловьева.

Понять это не требует значительных умственных усилий, но признать — гораздо труднее. В конце концов величайший русский историк С. М. Соловьев именно с царствования Федора Алексеевича (1676–1682) повел отсчет Нового периода нашей истории. — И до сих пор никто за задался вопросом, почему он так поступил. «Что положено Юпитеру...» Но, увы, не быка напоминает современная историография, а Буриданова осла, застывшего в решении мучительной проблемы выбора между очевидными фактами и привычным миражом великопетровской мифологемы.

Почти четверть столетия Е. В. Чистякова печатно убеждает публику на примере ряда сочинений конца XVII в., в особенности «Скифской истории» А. И. Лызлова (1692), что определяющие дальнейший путь развития русской исторической мысли

перемены произошли еще до преобразований Петра¹⁷. Тщетно... Хотя труд Лызлова оказал прямое влияние на историков XVIII в. и был издан еще Н. И. Новиковым. Ныне «Скифская история» заняла достойное ее место в «Памятниках исторической мысли»¹⁸, переиздано для широкого читателя более раннее (конца 1680-х гг.) «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева, введена в научный оборот первая историческая монография в России — «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова (рубеж 1670–80-х гг.)¹⁹.

Если Николая Спафария, Юрия Крижанича и Симеона Полоцкого можно было упрекать, что они не там родились и учились, если «Синописис» (переписывавшийся от руки даже на Белом море) подводило место издания, — то новгородец Римский-Корсаков, курянин Медведев и москвич Лызлов явно ничем не «хуже» Манкиева, Ломоносова и Татищева. В конце-концов уже более столетия существует публикация памятника, в коем сам царь Федор Алексеевич Романов выражает неудовлетворение современным состоянием отечественной историографии и призывает создать, наконец, подлинно научный обобщающий труд по истории российской²⁰.

Тем не менее историки, внесшие за последние десятилетия наибольший вклад в изучение русской исторической литера-

¹⁷ Перечень статей Чистяковой Е. В. 1960–1979 г. см.: Богданов А. П., Гладкий А. И. Андрей Иванович Лызлов // ТОДРА. Л. 1985. Т. 3–9. С. 8–3. См. также: Чистякова Е. В., Лукичев М. П. К биографии автора «Скифской истории» А. И. Лызлова // АЕ за 1986 г. М. 1987. С. 289–297; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Гл. 9. С. 120–133.

¹⁸ Андрей Лызлов. Скифская история / Под ред. Е. В. Чистяковой. Подгот. текста, коммент. и аннот. указатель имен А. П. Богданова. Статьи Е. В. Чистяковой и А. П. Богданова. М. 1990.

¹⁹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Подгот. текста, статьи и аннот. указатель имен А. П. Богданова. М. 1990; Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / Подгот. текста, статьи и аннот. указатель источников А. П. Богданова. М. 1994.

²⁰ Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Обзор источников. СПб. 1871. С. XXXV–XLII.

туры «бунташного столетия», не нашли пока ни сил отказаться от устаревшей аксиоматики, ни оригинального способа обойти ее. Здесь отличились филологи, издавна стоявшие перед аналогичной проблемой. Еще в 1859 г. Н. С. Тихонравов уверял студентов Московского университета, что нельзя изучать новую русскую литературу «вне всякой связи с предшествующим литературным развитием», требовал исследовать «переливы» древнего периода в новый: «по нашему глубокому убеждению история новой русской литературы должна начинаться обозрением второй половины XVII века»²¹.

Другой блестящий знаток рукописной книжности, А. Н. Пыпин, отдавая традиционную дань преобразованиям Петра, фактически лишил их элементов новизны: они «были только продолжением гораздо ранее начавшегося времени». По мнению ученого, не только в литературе, но и вообще в русской народной жизни прогрессивные перемены были характерны как раз для второй половины XVII в.: «еще не было произведено никакого переворота..., никакого принципиального отступления от ее начал, какое приписывается Петровской реформе, и между тем в ней видимо совершается нечто прежде небывалое, так что последующие нововведения Петра для наблюдателя беспристрастного не представляют ничего неожиданного». При этом «первые достаточно определенные признаки движения в сторону европейского образования обозначаются во второй половине XVII века, даже еще с половины XVI-го»²².

Последователи Пыпина в XX веке вынуждались сводить разнообразие элементов нового в предпетровской литературе к одному и не самому важному — секуляризации, — когда бы неведомый благодетель не ввел в употребление термин «**переходное время**». Происхождение сего благословенного понятия

²¹ Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 2. Русская литература XVII и XVIII вв. М. 1898. С. 2, 10–11.

²² Пыпин А. Н. История русской литературы. Изд. 3-е. СПб. 1907. С. 62, 313.

теряется в миазмах смутных советских времен, а содержание толкуется произвольно. П. Н. Берков, пытавшийся прояснить тот и другой вопрос, развел руками перед первым, но определил «переходный период» как время, когда Россия «стала входить во всемирную историю, а русская литература — в мировую литературу»²³.

Скептик заметил бы, что из того и другого страна и литература никогда и не выходила. Но мы отвергнем подобное неоперациональное брюзжание в восторге перед превосходным результатом употребления сего невразумительного понятия. Термин, не более ясный, чем «прогресс», повторяемый как молитва, как заговор на лиходеев, послужил прекрасным заклинанием соцреалистических страшил. Попытка объяснения его лишь испортила бы совершенство. «Переходность» позволяла смело писать о всех элементах нового, не входя в открытый конфликт с легендой о «великом преобразователе», от коего только и могло начинаться подлинно новое. Просто между древнерусской и новой литературой появился неопределяемый период отсюда-сюда, в который могло происходить все, что угодно. Это столь соответствовало менталитету великого похода в неизвестное будущее, что ни единого возражения не последовало.

Известно, какую полемику вызвала в свое время попытка ввести в исследования литературы понятие «барокко» или «русское барокко» (А. А. Морозов, М. А. Гуковский и др.), подразумевавшее стадияльное соответствие отечественного литературного явления — западноевропейскому (до Петра!). Искусствоведы только сейчас начинают отказываться от очевидно нелепого термина «нарышкинское барокко» (то есть если уж барокко до реформ — то как стиль семьи Петра).

²³ Берков П. Н. О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М. 1971. С. 32.

Однако под сенью понятия «переходного времени» монография А. М. Панченко, основанная в значительной части на архивных источниках, свидетельствовала о наличии русской барочной силлабической поэзии XVII в. как явлении новой литературной культуры²⁴.

А. Н. Робинсон продемонстрировал появление в то же время придворной литературы русского барокко и формирование придворной книги, не останавливаясь перед параллелями с самой Францией²⁵. Под его руководством специалисты Института мировой литературы сосредоточили усилия именно на проблеме связи древнерусской литературы с Новым временем, на особенностях литературы рубежа двух эпох (XVII — начала XVIII вв.), наконец, смело пустились выявлять новые черты этой литературы, отказавшись *de facto* от хрестоматийного наименования «древнерусская»²⁶.

Правда, наибольших усилий этот замечательный коллектив добился в изучении явлений, не имевших корней в Древней Руси (например — в истории драматургии). Но работы А. С. Демина, анализировавшего вполне традиционные памятники, показали появление уже в XVII в. представлений о мире, природе и человеке, характерных для литературы Нового времени в Европе. В новой книге автор вообще говорит о единых закономерностях «пульсации» писательского мироощущения в XI–XVIII вв., презрев историко-мифологические представления о должных стадиях развития Отечества²⁷.

²⁴ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л. 1973.

²⁵ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М. 1974.

²⁶ Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М. 1967; Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). Исследования и материалы по древнерусской литературе. М. 1971; Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — начало XVIII в.). М. 1976.

²⁷ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в. Новые представления о мире, природе, человеке. М. 1977; его же. Художественные миры древнерусской литературы. М. 1993.

Жаль, конечно, что упомянутые замечательные исследования (и множество неупомянутых важных трудов) не заставили историков русской литературы XVIII и XIX вв. обратить должное внимание на ее корни. Да и сам термин «переходное» вряд ли понравился бы генерал-майору (впоследствии — думному генералу) Г. И. Косагову, выводившему в море построенный на Воронежских верфях российский флот за два десятилетия до Петра, строителям приписанных Петру заводов и мануфактур, создателю русского силлабо-ритмического стиха Кариону Истомину или гордому своими познаниями в истории, музыке, античной и ренессансной литературе (на уровне группы современных нам специалистов) Игнатию Римскому-Корсакову, доказавшему происхождение собственного рода от Геракла.

Хотя, пожалуй, Игнатий, находивший Российское православное царство в переходном состоянии к всемирному царству Христа под земным самодержавием Романовых, и в качестве первой стадии имевший в виду взятие Константинополя с проливами, смог бы оценить тонкость извива филологической мысли, даровавшей всем нам годы радостного труда под сенью «переходного периода». Но в целом применение каких-либо маскировочных средств не всходило на ум нашим прямодушным предкам, несмотря на неизбежную гибель в прямом столкновении с властями предержавными.

Мы-то, однако, помним, что даже «пестрый» и увертливый Карион Истомин оказался выслан. Андрей Лызлов умер от инсульта, пытаясь пресечь казнокрадство. Римский-Корсаков усугубил свое первенство, став первым русским писателем, объявленным сумасшедшим (и уморенным в темнице, что на диво старо). А Сильвестр Медведев удостоился чести, не оказанной никому со времен Степана Разина: был главоотсечен на Лобном месте посередь Красной площади.

Память поколений, и особенно последних поколений заставляет оценить свершение неведомого благодетеля, изобрет-

шего термин «переходное время», и не отбрасывать эти золотые слова за ненадобностью, предлагая читателю чисто позитивные очерки об официальном летописце Сидоре Сназине, трудившемся под крылом патриарха Иоакима в Чудовском монастыре, и злейшем враге патриарха просветителе Сильвестре Медведеве, представленном здесь прежде всего с точки зрения его работы историка.

Оба они, несмотря на полярность гражданских позиций и литературных пристрастий, помогают нам понять реальные обстоятельства перехода русской историографии от летописания к исследованию, процесс зарождения исторической науки, которая долго числилась лишь за XVIII столетием. Объединяя далеко не последнего летописца и одного из первых ученых историков, мы можем лучше увидеть черты Нового времени в творчестве россиян, не предполагавших, что ожидает страну в ближайшем будущем.

ЛЕТОПИСЕЦ ИСИДОР СНАЗИН

ПАТРИАРШЕЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XVII ВЕКА

Ночь. Келья в Чудовом монастыре

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Говоря об официальном летописании, следовало бы определить, что такое официоз. В XVII в. царское правительство интересовалось историографией и не только создавало учреждения для историописания, оказавшиеся нежизнеспособными²⁸, но и «издавало» (по определению И. М. Кудрявцева) солидные и вполне официальные исторические сочинения²⁹. Мы уже имели случай обратить внимание читателя на соображения царя Федора Алексеевича о необходимости иметь, наконец, официальный курс русской истории; со свойственной ему обстоятельностью государь-реформатор объяснил значение этого труда для россиян и «всенародной пользы» человечества, а также основные принципы ученой историографии³⁰. Однако, несмотря на всю

²⁸ Подробнее см.: Чистякова Е. В. Государевы дьяки и Российская история // Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М. 1988. С. 30–40.

²⁹ Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М. 1963. Т. 8.

³⁰ Рукопись РНБ, F.IV.159, была описана К. Колайдовичем и П. Строевым (Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... графа Ф. А. Толстова. М. 1825. Отд. 1. № 237. С. 154–155) и опубликована: Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Введение. Обзор Источников. СПб. 1871. Приложение. С. XXXV–XLII. До последнего времени исследователи обращались к ней, избегая анализа предложений о создании обобщающего труда по русской истории, сделанных в тексте от имени царя Федора Алексеевича. Текст этого «анонимного сочинения» привлекал М. О. Кояловича (История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.

привлекательность этих исторических сочинений и идей, следует констатировать, что все они были нелетописными.

Летописцы, в отличие от создателей новых исторических трудов, таких как «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова³¹,

1884. С. 96–97); И. Н. Михайловский, явно находя его неписывающимся в представления о русской историософии конца XVII в., предположил, что «по содержанию, источникам и стилю» сочинения «действительно, некому другому, кроме Спафария, приписать этот труд» (Михайловский И. Н. О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII столетия // Сборник историко-филологического о-ва при институте им. Кн. Безбородко. Нежин. 1900. Т. 3. Отд. 3. С. 7). Хотя после этого Д. Т. Урсул и другие авторы считали авторство Н. Г. Милеску-Спафария безусловно доказанным, М. А. Алпатов, подробно рассмотрев источники и аргументацию автора «Учения исторического», усомнился в этой версии (Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М. 1973. С. 389–391, 394). Ряд исследователей склонен был признавать за «Учением» факт «попытки научного подхода к объяснению истории», но не находил в допетровской России историографии, соответствующей этому подходу (Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л. 1961. Ч. 1. С. 46–51; Сахаров А. М. Исторические знания // Очерки русской культуры XVII века. М. 1979. Ч. 2. С. 76; Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. Очерки истории. М. 1982. С. 228–232). Мы с Е. В. Чистяковой (по инициативе ученицы М. Н. Тихомирова) нашли таковую историографию (Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»), соответствующую, как и предполагал М. А. Алпатов, европейской историографии Нового времени, и, естественно, выходящую за рамки летописания.

³¹ Авторская беловая рукопись «Генеалогии» была описана в собрании Кн. А. Б. Лобанова-Ростовского Н. П. Лихачевым («Генеалогия» дворян Корсаковых // Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб. 1913. С. 91–114) и исчезла вместе с князьями и «непролетарскими» культурными ценностями. Лишь недавно, благодаря указанию Б. Н. Морозова, мы смогли изучить ее в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ныне ГАРФ. Ф. 72–8. Собрание Зимнего дворца. Оп. 1. Кн. 1. № 27). Текст опубликован: Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / Подготовка текста, статьи и аннотированный указатель источников А. П. Богданова. М., 1994. Об авторе и его трудах см.: Богданов А. П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 6. С. 165–248; его же. Первое ученое родословие в России: «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова // Историческая генеалогия. Екатеринбург. 1993. Вып. 1. С. 16–21; и др.

«Созерцание краткое» Сильвестра Медведева³² и «Скифская история» Андрея Ивановича Лызлова³³, не поведали нам о смысле и методах своей работы, а официальные инстанции, возможно, замешанные в создание летописных произведений, не проявили себя никоим удобозримым образом. Все соображения, высказанные учеными относительно принадлежности летописных памятников XVII в. к официальной, то есть санкционированной правительственными учреждениями историографии, есть плод научного анализа манускриптов.

Если мы уклонимся от вопроса, какую власть представлял патриарх Филарет Никитич, официально именовавшийся не «великим господином», а «великим государем», и в глазах историографов XVII в. выступавший в качестве самодержца, то можно твердо уверить читателя, что светская власть в «бунташном столетии» не покровительствовала созданию летописных произведений.

После окончания работы над Лицевым летописным сводом («Царственной книгой»³⁴) определение «официоз» применимо только к летописям, созданным при поддержке или по предполагаемым указаниям московских митрополитов и патриархов. «Летопись Иосифа — келейника патриарха Иова», которую старался реконструировать В. И. Корецкий, создавалась, по мнению ученого, после свержения Иова с престола и, таким

³² См. публ.: Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М. 1990. С. 17–23, 45–200.

³³ Андрей Лызлов. Скифская история / Под ред. Е. В. Чистяковой. Подготовка текста, комментарии и аннотированный указатель имен А. П. Богданова. М. 1990.

³⁴ Именно так именовался памятник в описаниях царской библиотеки XVIII в. См.: Пентковский А. М., Богданов А. П. Сведения о бытовании книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. 1983. С. 61–95; Богданов А. П., Пентковский А. М. Житие Николы в Лицевом летописном своде // Там же. М. 1985. С. 92–108.

образом, не является официальной³⁵, в отличие от летописца патриарха Гермогена, отражение которого А. Н. Насонов видит в Хронографе редакции 1617 г. в части до 1609 г.³⁶

С. Ф. Платонов отнес создание Нового летописца к окружению патриарха Филарета Никитича³⁷. Л. В. Черепнин, при весьма критичном отношении к труду Платонова, подтвердил это мнение солидными доводами³⁸. Насонов ввел в научный оборот новый материал, позволивший выделить патриарший летописец 1652 г.³⁹ Ученый проанализировал этот памятник, дав ему закрепившееся в историографии название «Летописный свод 1652 г.» Исследование А. В. Лаврентьева подтвердило предположение, что Свод 1652 г. был создан в начале правления патриарха Никона под его влиянием⁴⁰.

Учитывая, что Свод 1652 г. создавался несколько ранее указанной в названии даты, можно принять утверждение Б. М. Клосса, что «следов существования летописных сводов, созданных при

³⁵ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М. 1986. С. 107–175.

³⁶ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М. 1969. С. 482.

³⁷ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб. 1888. С. 246–269.

³⁸ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. М. 1945. Т. 14. С. 81–128.

³⁹ Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М. 1955. Т. IV. С. 267–271; его же. История русского летописания. С. 483–486.

⁴⁰ См.: Лаврентьев А. В. К вопросу о списках свода 1652 г. в связи с историей его создания // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М. 1982. С. 43–56; его же. Оригинальные известия о «Смутном времени» в летописном своде 1652 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. 1982. С. 108–123; его же. Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в. М. 1984 (рукопись канд. дисс.); его же. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. М. 1986. С. 118–141.

патриаршем дворе во второй половине XVII в., на доказательном уровне в литературе не отмечалось»⁴¹. Восполняя этот пробел, Б. М. Клосс выявил обширнейший летописный свод, составленный в 1670-х гг. в церковной среде. Автор доказал, что основные, часть вспомогательных его источников и наиболее полный список в конце XVII-го столетия хранились в патриаршем Казенном приказе и ризнице.

Это дало основание для вывода, что происхождение свода «следует связывать с патриаршим Казенным приказом». По наблюдениям Б. М. Клосса, «летописный свод, по всей видимости, был составлен в черновом виде, с приложенными к нему источниками. С него были приготовлены две беловые копии: Архивский и Вифанский списки.., можно датировать патриарший летописный свод — протограф Архивского и Вифанского списков — 70-ми годами XVII в.»

Помимо Архивского списка, отмеченного еще А. А. Шахматовым⁴², и Вифанского, введенного в научный оборот Насоновым⁴³, Клосс описал сверенный с обоими списками список РНБ, Погодина 1404, созданный, по-видимому, в том же патриаршем летописном скриптории в последние годы XVII в.⁴⁴ Полагая, что продолжение анализа патриаршего летописного свода 1670-х гг. принадлежит Клоссу, мы обратимся к исследованию других памятников Иоакимовского, а затем Адриановского скриптория, используя отмеченные рукописи лишь при анализе методов работы патриарших летописцев.

Также полагаем оставить в стороне вопрос о Иоакимовском летописании, отраженном в труде В. Н. Татищева, в том виде,

⁴¹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М. 1980. С. 280.

⁴² Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.—Л. 1938. С. 371.

⁴³ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 261–264.

⁴⁴ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи. С. 291–292.

как его формулировал С. К. Шамбинаго⁴⁵. Сама дискуссия о летописных источниках В. Н. Татищева, безусловно, плодотворна, но в отношении патриаршего летописания конца XVII в. преждевременна, пока не проанализированы с достаточной углубленностью реально сохранившиеся в рукописях памятники. В их числе, как справедливо отметил в 1945 г. Л. В. Черепнин, находится Новгородская Забелинская летопись (ГИМ, Забелина 261)⁴⁶, но не только она.

Монография С. Н. Азбелева «Новгородские летописи XVII века» (Новгород, 1960) содержит анализ целого ряда летописных сводов, их редакций и списков, часть которых можно отнести к работе летописного скриптория Новгородского Софийского дома при митрополите Иоакиме (1672—1674 гг.), в 1674—1690 гг. — патриархе Московском и всея Руси. Труды Софийского скриптория относятся к особой теме новгородского летописания, — пожалуй, единственного направления древнего регионального общерусского летописания, сохранившегося до конца XVII-го столетия. Мы будем касаться его лишь поскольку это необходимо для понимания методов работы летописного скриптория патриарха Иоакима в 1680-х гг.

МАЗУРИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Наиболее очевидным фактом, что летописная традиция, условно именуемая «патриаршей», продолжала развиваться в Москве 1680-х гг., является так называемый Мазуринский летописец. Это произведение, столь же загадочное, сколь и поэтическое по содержанию, вполне заслуживает самостоятельного рассмотрения как авторское произведение, которого оно было до сих пор лишено. Обратившись к нему, мы можем найти свой

⁴⁵ Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // Исторические записки. М. 1947. Т. 21. С. 254—270.

⁴⁶ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века. С. 119—127.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru